

ПРОБЛЕМА ТРАНСИЛЬВАНИИ В ОТНОШЕНИЯХ СССР С СОЮЗНИКАМИ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (июнь 1941 г.—май 1945 г.)

Анатолий Сальков

Решение второго Венского арбитража 30 августа 1940 г. о переходе Северной Трансильвании от Румынии к Венгрии, трансильванский фактор вообще, активно использовались в международных отношениях начального периода Второй мировой войны¹. Проблема сохранила актуальность и в условиях начавшейся советско-германской войны. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу в Москве Ф. Шуленбургу от 21 июня 1941 г. (при всем скептическом отношении к документу, оправдывавшему прямую агрессию) в ряду фактов о якобы нарушениях Москвой договоров с Германией содержала и пункт IV. Он гласил: "Когда Германия с помощью Венского арбитража от 30 августа 1940 г. урегулировала кризис в Юго-Восточной Европе, явившийся следствием действий СССР против Румынии, Советский Союз выразил протест и занялся интенсивными военными приготовлениями во всех сферах". 22 июня румынский МИД разослал во все миссии (кроме московской) телеграмму-циркуляр о состоянии войны с СССР и о том, что генерал И. Антонеску "командует румыно-германскими силами на румынском фронте"². Венгрия, приняв 23 июня решение о разрыве отношений с Москвой (но без объявления войны), официально сообщила о нем лишь два дня спустя. Поэтому нарком НКВД СССР В. М. Молотов, принимая венгерского посланника Ж. Криштофи, высказал 23 июня мнение, что у СССР нет претензий к его стране и Москва "не имеет возражений по поводу осуществленного за счет Румынии увеличения территории Венгрии", что диаметрально расходилось с последующей советской позицией. 27 июня венгерские войска перешли советскую границу³.

Во второй половине 1941 г. румынский и венгерский сюжеты занимали в отношениях СССР с Великобританией и США значительное место. Во-первых, СССР понуждал своих союзников объявить войну сателлитам Германии. После долгих проволочек Англия сделала это 6 декабря. Днем раньше британский премьер-министр У. Черчилль на встрече с советским послом И. М. Майским наконец сдался: "Ну что ж, если Сталин этого хочет, мы объявим войну Финляндии, Румынии и Венгрии"⁴. Во-вторых, остро стоял вопрос о границах. Западная дипломатия твердо держалась за заявления Черчилля о невозможности признания границ, возникших в ходе войны. Москва же настаивала на признании своей западной границы 1941 г. В-третьих, началось обсуждение перспектив послевоенного устройства и планов британского премьера по федеративному устройству Европы.

Визит главы Форин Оффис А. Идена в Москву 16—20 декабря 1941 г. оказал влияние на все три проблемы. И. В. Сталин предложил проекты двух советско-английских договоров — о военной взаимопомощи и о разрешении послевоенных проблем, наметив при этом общую схему реорганизации европейских границ после войны. Румыния должна была заключить воен-

ный союз с Москвой и дать ей право на размещение баз. "Объем самой Румынии должен быть несколько увеличен на западе за счет Венгрии, в рамках которой в настоящее время проживает до 1,5 млн румын. Это также явилось бы дополнительным наказанием для Венгрии за ее роль в войне"⁵. Так были впервые изложены советские представления о венгеро-румынском территориальном урегулировании.

Ко второму договору был подготовлен секретный протокол (хотя сведений о его передаче А. Идену не имеется, протокол позволяет проследить генезис советских представлений о будущем Трансильвании). Он предусматривал передачу СССР части румынского устья Дуная с тремя рукавами, а Румынии — "те районы Венгрии, которые населены преимущественно румынами"⁶. Советская сторона многократно подчеркивала, что признание ее границы 1941 г. представляет "исключительную важность", является "крупнейшим вопросом". В той части записи беседы от 17 декабря, которая была опубликована только в 2000 г., Сталин в пылу дискуссии даже огласил подоплеку своей внешней политики: "Вся война между СССР и Германией возникла в связи с западной границей СССР..." Встретив непреклонный отказ Идена обсуждать признание западной советской границы, Сталин отложил вопрос о польском ее участке, зато заявил, что он "гораздо более заинтересован сейчас в признании советских границ с Финляндией, балтийскими государствами и Румынией". Однако согласовать проекты договоров не удалось. В советско-английском же договоре о союзе в войне и послевоенном сотрудничестве от 26 мая 1942 г. проблема советских границ не упоминалась⁷.

В декабре 1941 г. в НКВД СССР началось планирование послевоенного устройства, была образована комиссия для разработки вопроса о границах Советского Союза, Германии, ее союзников. Состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 января 1942 г. о создании "Комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира", призванной документировать спорные территориальные и национальные вопросы⁸. Однако из-за тяжелого положения на фронтах работа приостановилась. Вместе с тем менялось положение в странах-сателлитах. На совещании у Г. Димитрова 7 июня 1942 г. отмечалось, что в Венгрии часть правящих кругов "не хочет давать Гитлеру войск", а тяжелое положение в Румынии заставляет "искать выхода в разрыве с Гитлером", растут венгеро-румынские разногласия. Как следует из писем Г. Димитрова И. В. Сталину от 12 марта и 20 мая 1942 г., Венгрия и Румыния были в числе стран, в отношении которых велась наиболее эффективная радиопропаганда, а на помощь их компартиям было затрачено 9 % общей суммы расходов ИККИ по данной статье (110 тыс. дол.)⁹. Первые попытки решения трансильванской проблемы предпринимаются в Москве в конце 1942 г. В документах Отдела внешней политики

Сальков Анатолий Петрович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета

ЦК ВКП(б) автором выявлена папка по Венгрии (на венгерском языке) с не упомянутым ранее "Материалом по Трансильвании" (32 с.). В нем сделан газетный обзор проблемы Секлерской земли (изолированная от Венгрии территория на востоке Трансильвании площадью 17 тыс. кв. км, заселенная венгерской этнической группой секлеров численностью до 500 тыс. человек), а также имеется записка составителя Кертес Реже об истории трансильванского конфликта и политическом облике провинции¹⁰.

В Румынии начался процесс поиска запасного варианта на случай поражения Германии. Главным предметом тревоги, как и в Венгрии, был территориальный вопрос о Трансильвании. В марте 1942 г. Лондон предложил Москве посредничество в контактах с румынской оппозицией во главе с Ю. Маниу. Два месяца спустя советская сторона ответила отказом. С тех пор Маниу еще дважды обращался к Лондону; его программа предусматривала обсуждение "пожеланий" как союзников, так и румын. За этой фразой стояло главное, но пока не произнесенное вслух пожелание румын — возврат Северной Трансильвании. В письме Молотова английскому послу в Москве А. Керру от 20 марта 1943 г. наконец высказывалось положительное отношение к контактам союзников с группой Маниу, а также опровержения сведений о сдаче в плен советским войскам по указанию Ю. Маниу 14 тыс. румын из Северо-Восточной Трансильвании¹¹. В обращении лидеров "исторических" партий Ю. Маниу и К. Братиану к И. Антонеску в марте 1943 г. по поводу отправления румынских войск на советско-германский фронт говорилось о непозволительности больших жертв, если не будет восстановлена территория страны. Ставится прямой вопрос о том, есть ли у Антонеску "какие-нибудь письменные документы, подобные тем, которые Ион Братиану позаботился получить до вступления в мировую войну на стороне Франции, Англии и России (конвенция 17 августа 1916 г. — А. С.), которые обеспечили бы нам возвращение потерянной Трансильвании". В Румынии действовали нелегальная проанглийская организация "Ардялул" ("Трансильвания"), созданная национал-царнистскими деятелями Ю. Маниу и А. Вайда-Воеводом, тайное Общество возрождающейся Румынии, которые высказывались против участия страны в войне на стороне Германии. Наиболее дальновидной части буржуазной оппозиции становилось ясно, что в случае победы "оси" Румынии будет отведена роль аграрно-сырьевого придатка, а Трансильвания, с ее относительно развитой индустрией, вряд ли будет оставлена немцами в составе Румынии¹².

В конце 1942 г. венгерские эмиссары также попытались установить контакт с англичанами за границей "в качестве страховки от военного поражения Германии", но эти попытки были отклонены. В марте 1943 г. английский меморандум информировал Москву о более серьезном венгерском обращении профессора А. Сент-Дьердьи, который был готов возглавить кабинет, если союзники "намереваются восстановить Венгрию, способную принимать достойное участие в реконструкции Европы". Лондон, без всяких обязательств о будущем Венгрии, предлагал все же рассеять венгерские опасения "нового и более тяжелого Трианонского мира", не стремясь видеть Венгрию "разорванной на части" и наказывать венгерский народ "за глупости его правительства". Ответное письмо В. М. Молотова А. Керру от 7 июня 1943 г. содержало многозначитель-

ные мысли о том, что за помощь Германии должно нести ответственность не только венгерское правительство, но в "той или иной мере венгерское общество"; Венгрия должна возвратить захваченные территории; СССР считает "не вполне обоснованным... так называемое третейское решение о передаче Венгрии Северной Трансильвании"; Москва не согласна с федерализацией Европы и включением Венгрии в состав федераций¹³.

Впервые во время войны проблемы послевоенного устройства были масштабно обсуждены в ходе визита Идена в США 12—30 марта 1943 г. К Румынии, по его мнению, в США "вообще мало интереса", как государство она "не пользуется в США хорошей репутацией", американцам "довольно безразлично", что с ней произойдет после войны. Будущее Бессарабии интереса у Вашингтона не вызвало, но и серьезные возражений против ее включения в СССР не было, что объяснялось отсутствием в США румынской диаспоры. Кроме того, американцы буквально носились с идеями федераций, в том числе Дунайской, считая их панацеей от всех международных зол¹⁴.

В Москве летом 1943 г. возвратились к вопросам о планировании послевоенного мира. В августе была создана Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР (Комиссия Литвинова). В перечне проблем, подлежащих решению, значились: в разделе XI (Венгрия) — советско-венгерская граница, венгеро-румынская граница (судьба Трансильвании); в разделе XII (Румыния) — границы Румынии, контроль над нефтяной промышленностью. В сентябре была также создана Комиссия по вопросам перемирия при НКВД СССР (Комиссия Ворошилова) для выработки условий капитуляции Германии и ее европейских союзников¹⁵.

Накануне Московской союзнической конференции министров иностранных дел (19—30 октября 1943 г.) была разработана первая обширная советская концепция послевоенного устройства, содержащаяся в записке замнаркома В. Г. Деканозова "К предстоящему заседанию в Москве министров иностранных дел" от 3 октября 1943 г. Для Румынии в ней предусматривалось восстановление границы 1941 г., заключение договора о взаимопомощи с советской гарантией независимости. В записке воспроизводилась мысль Молотова из его письма Керру от 7 июня о не вполне обоснованной передаче Венгрии Северной Трансильвании, а вывод наркома об ответственности венгерского общества подавался уже как элемент советской позиции о послевоенном устройстве Венгрии. В территориальном аспекте от Венгрии "должны отойти часть на севере — к Чехословакии, часть на востоке, где проживает до 1,5 млн румын, — к Румынии". Это явилось бы "заслуженным наказанием для Венгрии за ее роль в войне". Таким образом, воспроизводилась советская позиция времен визита Идена в Москву в декабре 1941 г., пока не получившая дальнейшего развития. На конференции также обсуждалась английская записка "Предлагаемые принципы, которыми следует руководствоваться при прекращении военных действий с европейскими странами — членами оси", датированная еще 1 июля 1943 г., предусматривавшая безоговорочную капитуляцию и "полную или частичную оккупацию соответствующих стран"¹⁶. Становилось очевидным, что решающее влияние на политическое переустройство и территориальное урегулирование стран — членов "оси" окажет оккупирующая их держава.

Не случайно осенью 1943 г. одновременно разрабатывались два противоположных сценария выхода Венгрии из войны. С одной стороны, в результате миссии венгерского дипломата Л. Вереша в Турцию правительство М. Каллаи, сразу после капитуляции Италии (3 сентября), заключило 9 сентября предварительное соглашение с западными странами, которое предусматривало вступление Венгрии в войну с Германией по достижении их войсками венгерских границ. Расчеты хортистов опирались на планы открытия второго фронта на Балканах с созданием зоны англо-американского влияния. В этих условиях Венгрия пыталась выторговать признание своей гегемонии в Дунайском бассейне и выйти из войны, не только сохранив приобретенные территории, но и получив новые. С другой стороны, в записке Комиссии К. Е. Ворошилова В. М. Молотову от 6 октября 1943 г. предусматривались общие для всех стран "оси" условия капитуляции, где прямо прописывалась оккупация советскими войсками территории Румынии и Венгрии. Военные решения Тегеранской конференции об открытии второго фронта не на Балканах, а в Северной Франции и ситуация на фронтах на рубеже 1943—1944 гг. сделали освобождение Юго-Восточной Европы Красной Армией неизбежным фактом¹⁷.

Вскоре в записке советского посла в Лондоне И. М. Майского В. М. Молотову от 10 января 1944 г. были глобально сформулированы советские представления о послевоенном урегулировании. С Румынией предполагалось заключение "на длительный срок" пакта о взаимопомощи и предоставлении СССР "необходимого количества" военных баз для ее превращения в "важный фактор нашей обороны". Вопрос о Венгрии был разработан более детально. Констатировалось, что "СССР не заинтересован в создании сильной Венгрии", которую следует сохранить, но "по возможности сузить ее территорию, строго следуя этнографическому принципу". В случае сомнений "решать вопрос следует против Венгрии". Венский арбитраж по Трансильвании подлежал пересмотру с "известным уклоном в пользу Румынии". Венгрия в первые послевоенные годы "должна быть оставлена в положении международной изоляции" и подвергнута репарациям. Утверждалось, что для создания эффективной системы безопасности в Европе "не следует останавливаться" перед вмешательством во внутренние дела других наций, нужно лишь учитывать местные условия, соответствующие традиции и методы воздействия¹⁸.

В кругах и румынской, и венгерской либеральной оппозиции зрело осознание катастрофических территориальных последствий близкого поражения фашистского блока. Надежды на национальное возрождение связывались с противниками в войне, главным образом, с западными демократиями. Причем сроки и обстоятельства заключения перемирия с антигитлеровской коалицией играли решающую роль в трансильванском споре. Румынская дипломатия с завидной расторопностью развила активность вокруг советских ближневосточных посольств. Советский посланник в Египте Н. В. Новиков вел 29 марта—12 апреля 1944 г. беседы с князем Б. Штирбеем и представителями союзников о выходе Румынии из войны. Румынская сторона придавала первостепенное значение возвращению Трансильвании, а Штирбей прямо ставил перед Новиковым вопрос о готовности Москвы дать заверения на этот счет. В такой обстановке даже заявление правительства СССР от 2 апреля и постановление ГКО в связи с вступлени-

ем Красной Армии на территорию Румынии от 10 апреля приобретали особый смысл. Задача "уничтожения господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах" касалась и Венгрии, и Венского арбитража. В советских условиях перемирия из шести пунктов от 12 апреля Румыния должна была вступить в войну на стороне союзников, восстановить советско-румынскую границу, возместить убытки и возвратить военнопленных. СССР же обязывался аннулировать арбитражное решение о Трансильвании, что, по словам Штирбея, "несомненно будет для румын весьма ободряющим". Причем англичане и американцы сомневались в приемлемости этого пункта, считая, что "преждевременно давать такие ясные и определенные обязательства румынам"¹⁹.

Действительно, судьба Трансильвании не была столь ясной. СССР, вплоть до 23 августа 1944 г., рассматривал и Румынию, и Венгрию как враждебные государства. В справке Комиссии Литвинова о Трансильвании от 5 июня отмечалось, что отношение союзников к трансильванской проблеме нигде публично не высказывалось. Однако Комиссия была знакома с неопубликованной запиской Службы иностранных исследований и прессы при Бэллиол колледже в Оксфорде от 27 декабря 1942 г., в которой рассматривались все возможные способы решения проблемы. Явное предпочтение отдавалось созданию из Трансильвании самостоятельного государства, но лишь в качестве члена Дунайского союза наряду с Венгрией и Румынией. (При негативном отношении Сталина к федерированию Европы данная концепция не могла быть принята.) Было известно также заявление президента Чехословакии Э. Бенеша, в котором он ссылаясь на "якобы данное тов. Сталиным согласие на передачу Трансильвании Румынии"²⁰.

В справке указывалось, что исторические претензии на Трансильванию убедительно обосновывали как Венгрия, так и Румыния, хотя аргументация каждой стороны отвергалась другой. Этнические же претензии были обоснованными лишь со стороны Румынии. Особенно важным было то, что "раздел провинции по этнической линии совершенно исключается", так как население во всех ее частях было смешанным с повсеместным преобладанием румын. Исключением была полумиллионная компактная масса мадьярских горных секлеров (секеев), издавна проживавших на восточной окраине Трансильвании в районе города Брашова на большом отдалении от Венгрии. Поэтому было "трудно и даже невозможно" найти такое решение проблемы, которое удовлетворяло бы и Венгрию, и Румынию, потому что "любое разрешение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств". Эта мысль почти точно совпала с давним высказыванием А. Гитлера. Еще на переговорах с президентом Венгрии П. Телеки и министром иностранных дел Италии Г. Чиано в Мюнхене 10 июля 1940 г. он, бахвалась тем, что, как "бывший австриец", знает, насколько запутанными были национальные проблемы в Австро-Венгрии, спрогнозировал последствия урегулирования: "Как территории ни дели, одна сторона, естественно, будет ныть. В случае же с Трансильванией, вероятно, будут ныть и стонать обе стороны сразу"²¹.

В выводах справки и в стенограмме заседания Комиссии от 8 июня, на котором обсуждалась проблема края, выявились четыре возможных решения.

1. Оставить, по словам Литвинова, "нынешнее положение (до тех пор, пока мы не придумаем лучше-

го), хотя как-то политически неудобно оставить в силе Венский арбитраж". Это означало бы признание акта гитлеровской дипломатии, что "политически представляется невозможным".

2. Передать Трансильванию Венгрии, что Литвинов почти исключал, "но не совсем", допуская как отдаленную возможность. Поскольку в политике "приходится руководствоваться исключительно соображениями целесообразности", можно было бы мыслить даже воссоединение Трансильвании с Венгрией при условии ее тесного и длительного сотрудничества с СССР. Но одернул сам себя: обещаниям и обязательствам верить нельзя, так как Венгрия не перестанет враждовать с Чехословакией и Югославией, которым она должна возвратить захваченные у них Подкарпатскую Русь, Южную Словакию, Бачку, Баранью, Муракез. Я. З. Суриц напрочь отклонил данный вариант, так как он нарушал интересы румынского большинства, был бы вознаграждением "одного из наиболее ретивых сателлитов Германии" и огромной опасностью для Чехословакии. Венгрии не забылось, что она первой примкнула к Антикоминтерновскому пакту и напала на СССР без малейшего повода, не имея даже тех территориальных претензий, которыми оправдывали свое участие в войне Финляндия и Румыния.

3. Более вероятной, по мнению Литвинова, была передача Трансильвании Румынии взамен прочной гарантии ("базы и контроль", так как в политике "благодарность быстро испаряется") тесного и длительного сотрудничества с СССР, а также ее полного отказа от претензий на Бессарабию и Буковину, что было бы достаточно компенсировано получением Трансильвании. Румыния нуждалась бы в защите СССР против Венгрии, которая "никогда не примирится с окончательной потерей всей Трансильвании". Суриц также выступал за переход провинции к Румынии. Он обосновывал это тем, что, "устранив между Румынией и Россией спор из-за Бессарабии (намеренно созданный Бисмарком на Берлинском конгрессе) и передав Румынии Трансильванию — этот вечный источник разногласий между Румынией и центральноевропейскими государствами, — мы зложим основы для действительно прочной зависимости Румынии от нашей политики". Б. Е. Штейн скептически отозвался о передаче края Румынии ввиду сомнительности гарантий ее просоветской внешней политики.

4. Наибольший интерес вызвал вариант создания независимого Трансильванского государства, которое, имея площадь 100 тыс. кв. км, более 5 млн человек населения и значительные экономические ресурсы, было бы крупнее многих европейских государств. Это было актуально "хотя бы лишь временно, впредь до выяснения возможности искреннего сотрудничества с нами Румынии или Венгрии", но вариант при советском сюзеренитете мог "остаться на длительное время". Вместе с тем такое государство не смогло бы существовать без покровительства СССР, имея с ним общую границу. Сурица подкупал вариант отдельного государства, но он сомневался, нужно ли при реорганизации послевоенной Европы "встать на путь ее парцелляции и балканизации". При этом он развил вполне интересные мысли о случаях, когда балканизация (создание мелких самостоятельных государств) оправдана: с целью ослабления мощного врага путем выделения из него части территории; для предоставления права на государственное существование нации, входившей в состав другого государства в качестве чужеродного и угнетенного

меньшинства. Добавочными аргументами для такой нации выступали национально-освободительная борьба и государственность в прошлом. С. А. Лозовский, напротив, считал, что "парцелляция в Европе нам не вредна. Чем больше мы отрежем от вражеских стран территорий, тем лучше". Недоумевая, нужно ли усиливать Румынию из-за того, что в Трансильвании имелось 3 млн румын, или усиливать Венгрию потому, что в крае 1,5—2 млн венгров, он предлагал создать Трансильванское государство. Радикально настроенный Лозовский считал, что два враждебных государства "не должны иметь силы оправиться. Это главное. Правда, несколько сот тысяч румын мы перебили в этой войне, но, очевидно, это недостаточно. Не всех немцев перебили и не всех венгров". То обстоятельство, что Румыния, в отличие от Венгрии, в войнах XIX в. часто была на стороне России, он также отклонил: "Нужно исходить не из того, какая была расстановка сил по отношению к России, а из того, какая позиция существует по отношению к СССР. Это классовый вопрос, а не национально-территориальный".

Штейн также считал создание независимой Трансильвании лучшим вариантом. Он сравнил полученные Гитлером после ее раздела "рычаги одновременного воздействия на обе страны" с возможностью "одновременного давления как на Румынию, так и на Венгрию", обретаемую СССР в случае создания Трансильванского государства. Штейн обратил внимание на то, что в Трансильвании существовала не только территориальная чересполосица расселения румын и мадьяр, но и своеобразное явление, при котором имелись румыны, говорящие по-венгерски, и венгры, говорящие по-румынски. (Мы оценили бы это явление как этнолингвистическую диффузию, встречающуюся в конфликтных полиэтничных зонах среди носителей даже не родственных языковых групп — в литовско-белорусской Виленской области, немецко-литовском Мемельском крае, итальянско-словенской Каринтии). Д. З. Мануильский, вопреки неизбежным обвинениям в экономическом раздроблении Европы, также считал, что в интересах СССР "абсолютно целесообразно создать самостоятельную Трансильванию".

Литвинов также склонялся к четвертому варианту, хотя безусловное решение так и не было выработано. Он призвал не руководствоваться "абстрактными принципами и нашими желаниями" (что отразило общую тенденцию к отходу от идейно-классовых критериев в пользу национально-государственных интересов), а учитывать реальность. Она же была такова, что "в ближайшее время нам выгодно иметь некоторые буржуазные государства раздробленными". Фазис раздробления, начавшийся после Первой мировой войны, "очевидно, должен некоторое время еще продолжаться. Может быть, мы идем к укрупнению через раздробление". Что же касалось зависимости Румынии от СССР в случае передачи ей спорной территории, то Литвинов посчитал, что зависимость будет еще большей, если Трансильвания станет самостоятельной, а "от нас будет зависеть в дальнейшем передача ее Румынии"²². Обращает внимание то, что в справке не были даже упомянуты два варианта, возникшие в скором будущем, — присоединение Трансильвании к СССР и ее частичный раздел по этническому признаку.

Дискуссия выявила принципиально важную систему приоритетности, повлиявшую на решение всех национально-территориальных конфликтов с советской

заинтересованностью. Предпочтение неизменно отдавалось этническим аргументам, причем оно отличалось субъективностью и связывалось с проблемой советско-польской границы. В справке было прямо записано: "Учитывая, что свои притязания на Западную Украину и Западную Белоруссию Польша обосновывает исторической аргументацией, нам вообще целесообразнее при разрешении всяческих территориальных проблем предпочитать этническую аргументацию исторической". Этому тезису вторил Суриц: "В наших интересах... всегда отдавать приоритет этническому фактору над историческим, имея в виду наш спор с Польшей". Полное уничтожение исторических аргументов озвучил Лозовский: "Мало ли что было. Дело идет о реальных вещах, а не об исторических воспоминаниях. Пусть этим занимаются польские эмигранты". Правда, предусмотрительный Литвинов предупреждал: "Тут мы не должны слишком увлекаться, помня, что будут случаи, когда придется нам выдвигать аргументы от истории, как, например, в нашем предложении о передаче Польше Восточной Пруссии и Верхней Силезии". Истинные же мотивы в решении национально-территориальных конфликтов были связаны с государственными интересами СССР и его геополитическими планами. Фраза Литвинова о Трансильвании, оброненная вскользь: "Конечно, вопрос будет решаться не на основе тех или иных аргументов", не была случайной²³.

Государственный переворот в Румынии 23 августа, приведший к устранению Антонеску и созданию кабинета генерала К. Санатеску, ускорил принятие решений по Трансильвании. Румыния 25 августа официально объявила войну Германии, а 31 августа советский посол в Анкаре С. А. Виноградов получил румынскую ноту о намерении подписать немедленное перемирие и включиться в войну с Германией. Молотов принял румынскую делегацию для обсуждения условий перемирия, базировавшихся на советских предложениях от 12 апреля. В ее состав входил и Штирбей, но возглавил лидер КП Румынии Л. Патрошкану, назначение которого имело целью добиться более мягких условий перемирия. Если накануне он расплывчато заявлял о начале борьбы "за освобождение национальной территории", то на встрече с Молотовым 31 августа уже предложил немедленно направить румынские войска в Трансильванию для борьбы с немцами, хотя понимал, что положение разоруженных Красной Армией румынских дивизий похоже на состояние военнопленных. Территориальный фактор был активно задействован и во внутриполитической борьбе. Патрошкану в беседе с Вышинским 1 сентября объяснил вхождение КП Румынии в правительственный блок стремлением парализовать влияние Ю. Маниу и Д. Братиану, которые "до сих пор не согласны с тем, что Бессарабия должна принадлежать Советскому Союзу". Со своей стороны, партия Маниу (выходца из Трансильвании), пользовавшаяся поддержкой крестьян (особенно трансильванских), создала убеждение в обществе, что край возвращается в состав Румынии, главным образом благодаря национал-царанистской партии и ее лидеру²⁴.

5—6 сентября румынская делегация в Москве направила в НКВД три ноты. Одна из них содержала просьбу правительства Санатеску о координации боевых действий советской и румынской армий по отражению венгро-немецкого наступления в Трансильвании, грозившего переносом фронта в Южные Карпаты и репрессиями против румынского населения края. Од-

нако заведующий IV Европейским отделом В. А. Зорин выразил в записке А. Я. Вышинскому от 9 сентября мнение, что все румынские предложения должны быть отнесены к компетенции военного командования. Поскольку дипломатических отношений с Румынией не было, ноты остались без ответа. 10 сентября проект соглашения о перемирии был передан румынской делегации. Патрошкану счел проект "наилучшим, на который только могла бы рассчитывать Румыния". В то же время Москва и Лондон были едины во мнении о несвоевременности статуса союзного государства для Румынии и установления с ней дипломатических отношений²⁵.

Соглашение о перемирии было заключено 12 сентября и содержало интригу, позволявшую Москве успешно разыгрывать "трансильванскую карту" исходя из формулировки статьи 19, которая гласила: "Союзные Правительства считают решение Венского арбитража несуществующим и согласны на то, чтобы Трансильвания (вся или большая часть) была возвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании..." Оговорка о Трансильвании была включена по настоянию англичан и вплоть до подписания мирных договоров с Румынией и Венгрией в 1947 г. находилась в центре дипломатической борьбы бывших союзников по антигитлеровской коалиции, значительно разошедшихся в своих представлениях о послевоенном устройстве Центральной и Юго-Восточной Европы. Далеко идущее политическое значение приобрело выполнение Румынией условий перемирия. В первую очередь это касалось вопроса об администрации в Трансильвании. Первоначально в освобожденных арбитражных районах Северной Трансильвании, населенных румынами, венграми и немцами (трансильванскими саксонцами и банатскими швабами), по согласованию с СССР устанавливалась румынская гражданская администрация. Однако, в связи с резким обострением межнациональных противоречий и действиями вооруженных банд, советское командование приняло решение о передаче с 12 ноября управления в крае советской военной администрации, приказав префектам в 24—48 часов ликвидировать румынские административные органы. Первый визит А. Я. Вышинского в Бухарест (ноябрь—декабрь 1944 г.) был открыт острым обсуждением данной проблемы в этот же день. Обе стороны, по существу, выдвинули в слабо завуалированной форме взаимные претензии о невыполнении соглашения. Санатеску дважды поднимал вопрос об администрации в Трансильвании. Он пояснил, что румынская власть после окончания военных операций первоначально "проникла" в четыре уезда, и это "проникновение наших властей происходило постепенно в течение полугода месяцев". Вышинский ответил, что статья 19 не вызывает никакого сомнения, "однако порядок, время, сроки возвращения Трансильвании должны быть установлены особо", а сама передача власти должна проходить "организованным порядком, а не односторонне и произвольно"²⁶.

Более развернуто выполнение соглашения рассматривалось в письме Ю. Маниу А. Я. Вышинскому от 15 ноября, где было заявлено, что администрация в Северной Трансильвании только частично передана румынскому правительству, а приказ советских военных властей о ее эвакуации "не оправдывается никаким из условий Соглашения о перемирии". Маниу, указав на пункт перемирия, признающий решение Высшего арбитража несуществующим, вполне логично заключил, что до окончательного решения на мирной конферен-

ции единственно законной линией румыно-венгерской границы может быть лишь линия Трианонского договора 1920 г. В этих условиях, согласно духу соглашения о перемирии, "в Трансильвании не может быть другой администрации, кроме румынской". Маниу также напомнил, что румынские солдаты, сложившие оружие после 24 августа, не считались военнопленными и поэтому должны были быть возвращены румынскому правительству. Однако из всех подобных подразделений была возвращена лишь одна дивизия, посланная затем в Трансильванию. Опытный политик, он выразил мнение, что "некоторые партии пользуются поддержкой советских властей" и зафиксировал "некоторое давление на политические чувства страны". На фоне вопроса об администрации в Трансильвании встал и аналогичный вопрос о румынской провинции Молдавии. Его обозначил еще Санатеску на встрече с Вышинским, говоря о частых недоразумениях между советским командованием и румынскими властями. Маниу же прямо отметил, что румынским властям "удалось только частично установиться в Молдавии". Советские военные власти чинили препятствия румынским служащим в занятии их постов, приступили в различных районах Молдавии "к некоторым высылкам". Поэтому общественное мнение "не может отделаться от впечатления, что существует тенденция отделить мало-помалу Молдавию от остальной Румынии"²⁷.

Дискуссия о выполнении условий перемирия выплеснулась и на страницы румынской прессы. Царанистская газета "Курьерул" 16 ноября опубликовала статью "Требуем объяснений" об устранении румынской администрации из Трансильвании. В ней отмечалось, что торжественное установление румынских органов власти в крае проходило не без содействия Красной Армии, которая до этого осуществляла там административные функции. Тем самым отклонялся тезис об установлении румынской власти в крае "без предварительного уведомления" советской стороны. Что касалось акций националистических отрядов, то газета, признавая злоупотребления "добровольцев из Трансильвании", не могла оправдать ими "невыполнение условий перемирия в таком существенно важном пункте", как возвращение Северной Трансильвании. С разоблачением этой статьи выступила коммунистическая "Скынтея" и орган Союза патриотов "Романия Либеря". Официальный орган национал-царанистской партии "Дрептата" опубликовал 3 декабря статью о присутствии Вышинского на богослужении в патриаршем соборе по случаю годовщины акта в Альба-Юлии (1 декабря 1918 г.), по которому Трансильвания была односторонне присоединена к Румынии. В ней высокопарно сообщалось, что румынские дивизии "проливали кровь плечом к плечу" с непобедимыми советскими войсками, и эта "общая борьба привела к освобождению Северной Трансильвании, полученной хортистской Венгрией в дар от Гитлера". Однако советский военный представитель при 4-й румынской армии доносил 28 декабря 1944 г. и о других настроениях среди офицерского состава: "Русские сделали неправильно, выгнав румын сначала из Клузы, а затем из всей Сев[ерной] Трансильвании. Мы начали воевать с немцами исключительно из-за Сев[ерной] Трансильвании. Это наша земля. Русские установили в Сев[ерной] Трансильвании венгерскую власть..."²⁸

Хотя Маниу не раз демонстрировал свое дружественное отношение к СССР, Москва видела в нем идеологического противника. Правительственная газета "Тимпул" перепечатала 4 декабря из журнала "Война и

рабочий класс" статью "О положении в Румынии", в которой резко критиковался Маниу. Эта публикация явилась следствием телефонограммы Вышинского Молотову с предложением о публикации в Румынии статьи против Маниу. Не случайно в беседе 6 декабря Вышинского с М. Ралей — руководителем социал-царанистской партии, вошедшей в состав созданного П. Грозой Фронта земледельцев, так много внимания было уделено личности Маниу. Интересно сообщение Рали о преобладающем политическом влиянии в северной католической части Трансильвании Ю. Маниу, а в южной православной — П. Грозы²⁹.

По запросу наркома иностранных дел РСФСР А. И. Лаврентьева, который в 1940—1941 гг. был полпредом в Румынии, свою позицию по проблеме передачи Северной Трансильвании изложил 31 декабря 1944 г. начальник Генштаба Красной Армии С. М. Штеменко. (Вышинский, правда, сделал на документе помету: "Пока этот вопрос ставить не будем".) Штеменко указал на три важных обстоятельства: 1) на территории провинции находились тылы 2-го и 4-го Украинских фронтов; 2) Румыния, в случае передачи ей края, засчитывала бы производственные заготовки в его пределах в счет репараций, что экономически невыгодно; 3) две румынские армии, сражающиеся совместно с Красной Армией, "воюют плохо и стимулом для них сейчас является предстоящая передача Румынии Северной Трансильвании", а без этого стимула они "будут сражаться еще менее эффективно". В итоге Генштаб счел, что передача "в настоящее время... для нас не выгодна". Если же политические соображения превалировали бы над военными и экономическими, то могла быть "передана Румынии вся Северная Трансильвания, поскольку наименьшее расстояние от нее до ближайшей линии фронта составляет 110 км". Мысль, которую еще полтора месяца назад с политической витиеватостью выразил Маниу в письме Вышинскому, Штеменко изложил с армейской прямотой: "Статью 19-ю Соглашения о перемирии, в которой признается несуществующим Венский арбитраж, с точки зрения юридической можно толковать так, что вся Северная Трансильвания до мирного урегулирования должна быть передана Румынии, не считаясь с этническим характером этой области". Далее начальник Генштаба сделал исключительно важную оговорку о том, что часть северотрансильванских уездов при первой передаче "могла бы пока не возвращаться, если бы в этих уездах имела особая заинтересованность Красной Армии по мотивам военного порядка"³⁰. Эта мысль уже содержала концепцию советского военного руководства, вызревшую позже, об использовании отдельных территорий, коммуникаций и объектов в интересах функционирования армейского хозяйства. Она нашла свое крайнее выражение в эксплуатации советскими военными комендатурами речного судоходства на Одере до августа 1946 г. (сообщение о передаче польским властям Управления водного пути на Одере поместила гданьская воеводская газета "Глос Wybжежа" за 16—23 августа) и изъятого из польского городского управления Штеттина района Гавань-военная до сентября 1947 г. (передана Польше по межправительственному соглашению от 17 сентября)³¹.

Важный этап внутривосточного геноцида Румынии в августе—декабре 1944 г., характеризовавшийся острой борьбой между "историческими" партиями и Национально-демократическим фронтом (НДФ) за расширение присутствия в правительстве, был отмечен реорганизациями кабинета К. Санатеску и формирова-

нием правительства генерала Н. Радеску. Румыния претерпела и сильное внешнее воздействие. Положение в стране обсуждалось на знаменитой встрече И. В. Сталина с У. Черчиллем 9 октября 1944 г. в Москве. А. Я. Вышинский, в ходе своей миссии в Бухарест, также активно воздействовал на политический кризис в Румынии. Он использовал в качестве средства давления невыполнение Бухарестом условий перемирия и искусно поддерживавшуюся проблему возвращения румынских властей в Северную Трансильванию.

Тем временем советские обязательства по возвращению Румынии Северной Трансильвании и обстановка на фронтах заставили хортистское руководство Венгрии вторично (после тайного заключения Предварительного соглашения между союзными державами и Венгрией 9 сентября 1943 г.) поднять вопрос о перемирии. Регент-правитель Венгрии адмирал М. Хорти в конце сентября 1944 г. обратился с письмом к Сталину, просил "пощадить нашу несчастную страну" и поддержать ее при выработке условий перемирия. Он не преминул напомнить, что именно румыны захватили Бессарабию у "своего русского союзника после Первой мировой войны" и хотели захватить с помощью немцев значительную часть Советской России во время Второй мировой войны". Венский арбитраж 1940 г. Хорти объяснил лишь стремлением положить конец "чудовищному отношению к венгерскому населению Трансильвании", считая, что только благодаря помощи Гитлера у Румынии осталась южная часть провинции. По требованию союзников венгерская делегация подписала 11 октября 1944 г. в Москве предварительные условия перемирия. Венгрия обязывалась немедленно объявить войну Германии и эвакуировать свои войска и чиновников с оккупированных территорий Чехословакии, Югославии и Румынии в пределы своих границ на 31 декабря 1937 г.³²

Однако уже 14 октября стало очевидным невыполнение Венгрией условий перемирия, о чем замначальника Генштаба генерал армии А. И. Антонов сделал представление главе венгерской миссии генерал-полковнику Г. Фараго. Позже, 27 ноября, венгерская делегация отказалась от всех своих прежних предложений и выдвинула идею образования венгерского правительства в г. Дебрецене. К тому времени уже были сформулированы предложения Венгерской КП в Программу демократического восстановления и подъема Венгрии, принятую 3 декабря. Они содержали положение о необходимости «порвать с венгерской империалистической манерой величия, с реакционными химерами "великой Венгрии"». 6 декабря Молотов принял венгерскую делегацию. Территориальный вопрос формально не затрагивался, но произошел весьма показательный диалог. Член делегации граф Г. Телеки прямо спросил у Молотова, признает ли Москва "Венгерское королевство святой короны", на что последний так же прямо ответил: "Мы четвертый год ведем войну против него". Он напомнил, что СССР по просьбе венгерской стороны хотел помочь Хорти облегчить положение в Будапеште и приостановил наступление на город. (Это привело к тому, что лидер фашистской партии "Скрещенные стрелы" Ф. Салаши, действуя от имени регента Хорти, создал после нилашистского путча 15 октября новое правительство и провозгласил себя "фюрером нации"³³.)

Временное национальное собрание Венгрии работало 21—22 декабря 1944 г. в Дебрецене, поручив вновь образованному правительству начать с СССР переговоры о перемирии. 28 декабря Временное национальное правительство объявило войну Германии, о чем его глава Б. Миклош сообщил в письме политсоветнику Г. М. Пушкину и члену Военного совета 2-го Украинс-

кого фронта генерал-полковнику И. З. Сусайкову. 20 января 1945 г. Венгрия заключила перемирие с союзниками, пункт 19 которого гласил, что "решения Венского третейского суда от 2 ноября 1938 года и Венского арбитража от 30 августа 1940 года настоящим объявляются несуществующими"³⁴.

В начале января 1945 г. Москву посетила делегация румынских коммунистов (Г. Георгиу-Деж, А. Паукер, Г. Апостол), которые беседовали со Сталиным о создании правительства НДФ, подконтрольного компартии. Наряду с прочими рекомендациями Сталин, как записал Г. Димитров в своем дневнике 4 января, дал следующую: "Развивать тезис, что если такое правительство будет [создано], СССР поможет, чтобы Трансильвания была румынской"³⁵, что можно было расценить как прямое обещание и новый ход в розыгрыше "трансильванской карты". В феврале—марте 1945 г. в Румынии разразился правительственный кризис, который вызвал второй визит Вышинского в Бухарест (27 февраля — 14 марта) с целью реорганизации кабинета в пользу левых сил. Эти события знаменовали и новый этап в решении трансильванской проблемы.

Политсоветник Союзной контрольной комиссии (СКК) в Румынии А. П. Павлов принял 9 февраля министра иностранных дел К. Вишоюну. Последний вновь поставил вопрос о возвращении румынской администрации в Трансильванию, ссылаясь на обещание Вышинского решить этот вопрос после подписания соглашения о поставках. Однако министру было разъяснено, что передача Трансильвании связывалась с общей проблемой выполнения Румынией условий перемирия. Павлов указал на по-прежнему неудовлетворительное выполнение этих условий в интересах снабжения экономики и чистки госаппарата от фашистских элементов. Вишоюну в ответ лишь просил о прекращении арестов царанистов в Трансильвании, проводимых местными венгерскими властями. 12 февраля премьер-министр Н. Радеску выступил с политической речью о войне до полной победы и честном выполнении условий перемирия. Говоря о Северной Трансильвании, он заявил, что вступление туда "является нашим правом и поэтому смешно говорить о нем как об одолжении... Трансильвания наша и мы должны в нее войти". В телефонограмме А. П. Павлова в НКВД с изложением этого выступления, разосланной всему советскому руководству, не ускользнуло от внимания, что в речи практически не упоминалось о Советском Союзе и Красной Армии "даже тогда, когда говорилось об освобождении Трансильвании" (разрядка в документе. — А. С.)³⁶.

После кровавых демонстраций 24 февраля в Бухаресте Н. Радеску был отставлен. Острая борьба за кандидатуру нового премьера отразила различные подходы союзников к правительственному кризису. Представитель США в СКК Б. Берри в письме А. Я. Вышинскому от 28 февраля делал упор на создание коалиционного правительства и нетерпимость изменений "неорганизованными средствами или применением силы". Английский представитель в СКК Д. Марджерибенкс в письмах от 28 февраля и 1 марта высказывал мнение, что односторонние, без предварительных консультаций с союзниками, шаги СССР по формированию нового кабинета Румынии указывают на желание "видеть настоящую конституционную процедуру этого государства измененной". Прозападное руководство царанистской партии, как доносили Л. П. Берин из Бухареста сотрудники НКГБ и НКВД, считало для будущего страны более приемлемым даже советскую оккупацию, чем добровольное согласие короля на левое правительство³⁷.

Однако усилиями Вышинского был сформирован прокоммунистический кабинет П. Грозы, состав которого 6 марта 1945 г. утвердил король Михай I. Появилась возможность реализовать январское обещание Сталина. Наградой Бухаресту стала Северная Трансильвания, которая на следующий день была фактически присоединена к Румынии, хотя новое правительство только 8 марта обратилось с просьбой о восстановлении там своей администрации. Была направлена благодарственная телеграмма Сталину, а 13 марта состоялось грандиозное народное празднество в г. Клуже. Ситуация же в крае оставалась сложной — самой крупной организацией НДФ Румынии здесь был Народный венгерский союз. Лишь в феврале он отказался от тактики с главным лозунгом "Независимость Северной Трансильвании", а в случае невозможности его реализации — с лозунгом "Присоединение Северной Трансильвании к СССР". В крае продолжали действовать остатки венгерских нелегальных фашистских организаций "Скрещенные стрелы" и "Имреди". Обе "исторические" партии по указанию Маниу с начала 1945 г. прекратили сотрудничество с НДФ. Левые партии были слабы и разобщены³⁸.

Наследник Коминтерна — Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) весьма интересовался положением в провинции. Заместитель заведующего ОМИ Л. С. Баранов в письме лидеру КП Венгрии М. Ракоши от 23 марта запрашивал сведения по проблеме: "Отношение различных слоев населения и политических кругов к трансильванскому вопросу". 23 апреля Баранов сообщал в записке Димитрову, что для ЦК КП Румынии составлен целый опросный лист, где в числе первых значилась проблема "Мероприятия правительства, направленные на упрочение демократических сил в Трансильвании". При всех сложностях восстановление здесь румынской администрации укрепляло авторитет правительства, что отметил заместитель председателя СКК генерал-полковник Сусайков в справке о внутривластном положении в Румынии от 20 мая 1945 г.³⁹

Национальный вопрос, утратив остроту, не потерял актуальности. В беседе Павлова с Грозой 9 апреля была поднята проблема трансильванских венгров, выселенных немцами в Венгрию, возвращению которых препятствовали румынские власти. Гроза обещал их возвращение. Румынский военный министр К. Василиу-Рэшкану в Москве на встрече 27 июня с А. Я. Вышинским, удостоенным медали в честь воссоединения Северной Трансильвании, вел речь о нежелании венгерского населения провинции признавать румынскую администрацию, о случаях изгнания румынских властей, учителей⁴⁰.

В "Особой папке" Молотова имеются материалы о миграции румынских евреев в конце войны. Нарком НКВД УССР Д. З. Мануильский в телеграмме от 20 декабря 1944 г. поставил вопрос о переселении в Румынию с территории Украины и Молдавии румынских подданных — евреев. Берия в письме Молотову от 13 января 1945 г. считал необходимым всех их (17 тыс. человек) переселить в Румынию (кроме немцев). 18 января Молотов согласился с этим предложением. Румынская секция Всемирного еврейского союза в телеграмме Молотову от 10 февраля благодарил в его лице русский народ за освобождение польских и германских территорий, куда ссылались евреи из Трансильвании и Венгрии. 24 марта было издано распоряжение СНК СССР о выдворении всех румынских подданных (кроме немцев) с правом взять 150 кг имущества на человека и обменять каждой семье 1 тыс. рублей на румынские леи. "Особая папка" Сталина содержит другой документ — доклад Молотова и Берии Сталину от 7 июля 1945 г. В нем сообщается о 13,6 тыс. евреев, получивших советское гражданство в связи с присоединением Северной Буковины, которые в период выдворения румынских подданных стали ходатайствовать о переезде на жительство в Румынию. Авторы доклада считали, что таким лицам можно разрешить выход из советского гражданства и выезд в Румынию⁴¹.

Территориальное размежевание не воспринималось в Венгрии как окончательное. Начальник VII Управления ГлавПУРККА М. И. Бурцев сообщал 23 мая Г. Димитрову о повсеместном мнении, что вопрос о Северной Трансильвании должен быть "пересмотрен со временем в пользу Венгрии". Ракоши, выступая 23 июня в ОМИ, оценил трансильванский вопрос как "очень болезненный", так как "Румыния была вассалом Гитлера, и все-таки получила те территории, где живет более 1 млн венгров". Понимая невозможность изменения только что принятых решений, он отмечал, что "мы пока этот вопрос не ставим... Мы говорим о будущем братстве этих мелких народов"⁴².

В рассматриваемый период Москва добилась принятия комплекса решений по Трансильвании, обеспечивавших ее политические и идеологические интересы. Содержание этих решений, технология их реализации, возможные изменения и корректировки были на протяжении трех следующих лет предметом обсуждений и дискуссий на сессиях Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, заседаниях Парижской мирной конференции 1946 г., в двусторонних отношениях Советского Союза с Румынией и Венгрией, однако остались практически неизменными.

¹ Подробней см.: Сальков А. П. Трансильванский вопрос в политике СССР в Юго-Восточной Европе (1939—1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Г. Ф. Матвеева. М., 2003. С. 279—319; Он же. Территориальные противоречия в Карпато-Дунайском бассейне в период Венских арбитражей и позиция СССР (ноябрь 1938 г. — август 1940 г.) // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. 2003. № 3. С. 3—11; Он же. СССР и второй Венский арбитраж: дипломатические оценки результатов и последствий // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 3. С. 60—66.

² Оглашению подлежит. СССР—Германия. 1939—1941. Документы и материалы. М., 1991. Док. 177. С. 336—337; Советско-румынские отношения 1917—1941: Документы и материалы. В 2 т. Т. II: 1935—1941 (далее: Советско-румынские отношения). М., 2000. Док. 262. С. 503.

³ Документы внешней политики (далее: ДВП), 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. Док. 11. С. 21; Док. 23. С. 36; Док. 138. С. 202; Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны (далее: Венгрия и вторая мировая война). М., 1962. Док. 145—146. С. 262—263.

⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1941—1943 (далее: Советско-английские отношения). М., 1983. Док. 73. С. 183.

⁵ ДВП. Т. XXIV. Док. 328. С. 503.

⁶ СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики РФ. В 4 т. Т. I: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. (далее: СССР и германский вопрос). М., 1996. Док. 13—14. С. 137—140.

⁷ ДВП. Т. XXIV. Док. 328. С. 505; Док. 334. С. 521—523; Советско-английские отношения. Т. 1. Док. 76. С. 190.

⁸ Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952: Каталог. В 3 т. Т. III: 1940—1952. М., 2001. С. 241; СССР и германский вопрос. Т. I. Док. 15. С. 141—142.

⁹ Коминтерн и вторая мировая война: Документы. В 2 ч. Ч. II: после 22 июня 1941 г. М., 1998. Док. 74. С. 228; Политбюро ЦК РКП(б) и Коминтерн. 1919—1943 гг.: Документы. М., 2004. Док. 513. С. 805; Док. 515 и прим. 1. С. 807—808.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 316. Л. 59—92.

¹¹ Советско-английские отношения. Т. 1. Док. 194. С. 349—350; Док. 201. С. 358—359.

¹² Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг.: Документы российских архивов

(далее: Трансильванский вопрос). М., 2000. Док. 50. С. 203; Док. 55. С. 233—234.

¹³ Советско-английские отношения. Т. 1. Док. 169. С. 325; Док. 202. С. 359—360; Док. 222—223. С. 387—389.

¹⁴ Венгеро-американские отношения 1918—1960. Будапешт, 1961. С. 26—32; Советско-английские отношения. Т. 1. Док. 209. С. 370—371; СССР и германский вопрос. Т. 1. Док. 44. С. 208—210.

¹⁵ СССР и германский вопрос. Т. 1. Док. 52. С. 232—233; Док. 54. С. 236; Док. 55. С. 242, 245; Прим. 75. С. 665.

¹⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. В 6 т. Т. 1: Московская конференция: Сборник документов. М., 1984. Док. 17. С. 54—55; СССР и германский вопрос. Т. 1. Док. 59. С. 268—269.

¹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. 2: Тегеранская конференция: Сборник документов. М., 1984. Док. 64. С. 155; Венгрия и вторая мировая война. Док. 164 и прим. 1. С. 298—299; СССР и германский вопрос. Т. 1. Док. 60. С. 273—274.

¹⁸ Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг.: Документы. В 2 т. Т. 1: 1944—1948 гг. (далее: Советский фактор в Восточной Европе). М., 1999. Док. 1. С. 23—24, 30, 36, 41—42.

¹⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944—1945: Документы и материалы. Т. 14—3 (2). Док. 52. С. 232—233; Док. 54. С. 236; Док. 55. С. 233—234. Раздел "Румыния". Док. 1. С. 15; Док. 4. С. 17; Трансильванский вопрос. Док. 54 и прим. 3. С. 231—232; Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 4. С. 54.

²⁰ Трансильванский вопрос. Док. 54 и прим. 3. С. 232; Док. 55. С. 233—234.

²¹ Венгрия и вторая мировая война. Док. 118. С. 206; Трансильванский вопрос. Док. 55. С. 234—235.

²² Трансильванский вопрос. Док. 55. С. 236—237; Док. 56. С. 238—244.

²³ Там же. Док. 55. С. 237, 240, 242, 244; Док. 56. С. 238.

²⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. В 2 т. Т. 1: 1944—1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. Док. 11. С. 59—62; Док. 12 и прим. 7. С. 64—65; Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944—1946 гг.): Документы российских архивов (далее: Три визита Вышинского в Бухарест). М., 1998. Док. 1. С. 18; Док. 4. С. 24; Док. 6. С. 30.

²⁵ Трансильванский вопрос. Док. 58—59. С. 249—251; Три визита Вышинского в Бухарест. Док. 5 и прим. 2. С. 27—28.

²⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. В 3 т. Т. II: 1 января — 31 декабря 1944 г. М., 1946. Док. от 12 сентября. С. 210; Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 24 и прим. 1. С. 89—91, 94.

²⁷ Три визита Вышинского в Бухарест. Док. 16. С. 52—55; Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 24. С. 93.

²⁸ Русский архив. Т. 14—3 (2). Раздел "Румыния". Док. 69. С. 71; Три визита Вышинского в Бухарест. Док. 17. С. 57—58; Док. 19. С. 59—60.

²⁹ Три визита Вышинского в Бухарест. Док. 18 и прим. 2—3. С. 59; Док. 20. С. 61—62.

³⁰ Там же. Док. 23 и прим. 1. С. 67—68.

³¹ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 28. П. 205. Д. 30. Л. 156; СССР и германский вопрос. Т. II: 9 мая 1945 г. — 3 октября 1946 г. М., 2000. Док. 82. С. 361—363; Прим. 240. С. 775.

³² Венгрия и вторая мировая война. Док. 164. С. 298—299; Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 14. С. 72; Док. 17. С. 75.

³³ Советско-венгерские отношения. 1945—1948 гг.: Документы и материалы. М., 1969. Док. 3. С. 21; Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 23. С. 109; Док. 24. С. 112—113.

³⁴ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 29 и прим. 2. С. 121—122; Венгрия и вторая мировая война. Док. 176—179. С. 340—342; Советско-венгерские отношения. Док. 7. С. 27—28; Док. 13. С. 44.

³⁵ Димитров Георги. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 458.

³⁶ Три визита Вышинского в Бухарест. Док. 26—27. С. 74—78.

³⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 48. С. 164—165; Три визита Вышинского в Бухарест. Док. 41. С. 98—99; Док. 46. С. 107; Док. 48—49. С. 111—113.

³⁸ Трансильванский вопрос. Док. 75. С. 298; Док. 76. С. 301—302.

³⁹ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 48. С. 178; Док. 53. С. 188—189; Три визита Вышинского в Бухарест. Док. 61. С. 142.

⁴⁰ Три визита Вышинского в Бухарест. Док. 56. С. 125—127; Док. 57. С. 133; Док. 64. С. 151, 153.

⁴¹ Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 98. Л. 47—48; Д. 103. Л. 8, 14, 32, 119—120, 133.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 38. С. 15—16; Трансильванский вопрос. Док. 80. С. 312.

SUMMARY

"The Transylvania Problem in the USSR Relations with Its Anti-Hitler Coalition Allies (June 1941—May 1943)" (Anatoly Salkov)

After the beginning of Soviet-German war issues connected with Romania and Hungary took a significant place in the USSR relations with Great Britain and the USA. Firstly, the USSR urged its allies to declare war on Germany's satellites, which had not been done until December 1941. Secondly, the issue of borders in the Carpathians-Danube region was very acute, including the recognition of the new Soviet border. Thirdly, the discussion of the scenarios of the post-war order in Central and South-Central Europe began.

An important step in the solution of these problems was the Foreign Minister A. Eden's visit to Moscow in December 16—20, 1941 and the discussion of the general plan of European borders reorganization put forward by J. Stalin. Other steps included an unproductive attempt to start the planning for the post-war period in December of 1941—January of 1942, the establishment of the Commission on Peace Treaties and Post-war Settlement at the People's Commissariat of Internal Affairs (the Litvinov Commission) in August 1943, the development of vast Soviet concepts of the post-war settlement and national and territorial changes in October 1943 (the Dekanozov memorandum) and in January 1944 (the Maisky Memorandum). The Transylvania issue which was the subject-matter of the Hungary-Romania territorial debate involving the interests of all warring countries played an important role in these events, documents and concepts.

Beginning with 1942 the liberal opposition both in Romania and Hungary sought a reserve option in case of Germany's defeat so as to decide the Transylvania question in their favour. Romania gained a major advantage in this respect after the coup d'état of August 23, 1944 and the declaration of war on Germany. Starting with June 1944 the Litvinov Commission worked at the assessment of historical and ethnic arguments for the right to possess Transylvania. Four possible variants of the solution of the problem were developed: 1) leave the situation as it was, meaning the recognition of the second Vienna Arbitration decision from August 30, 1940, which was politically impossible; 2) give the province to Hungary, which was out of the question but "not quite"; 3) give the province to Romania in exchange for a strong guarantee of close and lasting cooperation with the USSR; 4) establish an independent Transylvania state, to which most of the Litvinov Commission inclined.

On September 12, 1944 Romania concluded an armistice agreement, Article 19 of which provided that the Allies considered the Vienna Arbitration null and void and "agreed on Transylvania (or its most part) to be returned to Romania". This clause contained a possibility for a scheme which permitted Moscow to successfully play the Transylvania card: as a result of two visits of A. Vyshinsky to Bukharest in November-December 1944 and February—March 1945 the USSR was active in the development of two government crises and guaranteed the formation of the pro-Communist cabinet of P. Groza on March 6, 1945. Bukharest's award was Northern Transylvania which had been lost in 1940. By this Moscow achieved the set of decisions on Transylvania issue which secured Soviet political and ideological interests. The content of these decisions and their implementation mechanism were the subject of debate at various levels for the next 3 years but they remained practically the same.